

СЕАНС

A dark, atmospheric interior scene, likely a study or library. In the foreground, a large, dark leather armchair is partially visible. In the middle ground, a wooden desk holds a glowing desk lamp, a small clock, and some papers. Behind the desk is a bookshelf filled with books. To the right, a large, ornate mirror reflects the room, showing a chair and a lamp. The floor is covered with a patterned rug. The overall mood is mysterious and somber.

Владлен Морок

Владлен Морок

Сеанс

<https://litres.ru/74488269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психиатр Артём Рейн ведёт приём пациента, которому по ночам снится один и тот же кошмар — убийство, в мельчайших подробностях. Через несколько дней эти убийства подтверждаются в новостях, один в один.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владлен Морок

Сеанс

Глава

СЕАНС

Часть 1

Дверь пришлось выламывать вдвоём.

Игорь Сомов, старший администратор клиники, не помнил, чтобы дверь кабинета номер четыре хоть раз запирали изнутри дольше, чем на время одного приёма. Артём Рейн вообще был из тех врачей, что оставляют дверь приоткрытой между сеансами — говорил, что запертая дверь пугает пациентов больше любого диагноза. Но вот уже третий месяц эта дверь была закрыта наглухо, и всякий раз, когда Игорь стучал, из-за неё доносилось ровное, будничное: «Занят, зайдите позже» — голосом Артёма, немного глухим, будто он говорил, не отрываясь от записей.

Сегодня утром на стук никто не ответил.

— Артём Дмитриевич! — Игорь постучал ещё раз, сильнее, костяшками. — Артём Дмитриевич, к вам приехали из страховой, ждут в приёмной!

Тишина за дверью была не такой, как обычно. Не тишиной человека, который сосредоточен и не хочет, чтобы его отвлекали. Эта тишина была плотной, будто в комнате давно никто не дышал.

Замок был врезной, старый — такие ставили в этом крыле здания ещё при прежнем хозяине клиники. Слесарь провозился с ним минут двадцать, чертыхаясь и капая машинным маслом на ковролин, а Игорь всё это время стоял рядом, глядя на собственные ботинки и убеждая себя, что ничего страшного не происходит, что доктор Рейн просто заснул за столом или, чего доброго, ушёл через окно покурить и не услышал — хотя окно в кабинете четыре не открывалось с прошлой зимы, там заклинило раму.

Дверь наконец подалась с сухим, коротким треском.

Запах ударил в лицо раньше, чем глаза успели привыкнуть к полумраку — шторы в кабинете были задёрнуты, а лампа на столе давно погасла. Игорь узнал этот запах не сразу, а через секунду, когда тело уже отшатнулось само, помимо его воли, и слесарь за спиной коротко, некрасиво выругался.

Артём Рейн сидел за своим столом. В той самой позе, в которой сидел на каждом приёме — прямая спина, сцепленные на столешнице руки, — только голова была слегка запрокинута назад, а кожа на лице приобрела тот особый, восковой оттенок, который остаётся у человека, пролежавшего без движения слишком долго.

Судмедэксперт, приехавшая через сорок минут, назовёт потом цифру, от которой у Игоря похолодеет внутри окончательно: по её оценке, Артём Дмитриевич Рейн был мёртв никак не меньше двух с половиной, а то и всех трёх месяцев.

— Этого не может быть, — скажет Игорь, и голос у него сорвётся на середине фразы. — Он вёл приём. Каждый день. Я сам записывал к нему пациентов на этой неделе.

Эксперт лишь пожмёт плечами — это не её работа, объяснять административные парадоксы, её работа — устанавливать факты, а факт был прост и от этого ещё более чудовищен: тело в кресле принадлежало человеку, умершему в разгар лета, а на столе перед ним лежал раскрытый рабочий журнал с записью, сделанной, судя по чернилам, максимум сутки назад.

Почерк был безошибочно его. Последняя строчка гласи-

ла:

«Пациент Н. Сеанс №19. Он впервые пришёл сам».

Дальше страница обрывалась — резко, будто ручка выскользнула из ослабевших пальцев.

Тремя месяцами ранее

Часть 2

Николай впервые вошёл в кабинет номер четыре одним из тех вечеров конца мая, когда за окном ещё светло, а внутри клиники — как всегда, полумрак, потому что Артём давно приучился принимать при свете одной настольной лампы: так, по его наблюдениям, пациенты быстрее раскрывались, отгородившись от остального дня плотной, почти домашней темнотой.

Он был обычным на вид человеком — лет тридцати пяти, худой, с той аккуратной небритостью, которая уже переросла в бороду, но ещё не решила, останется ли ею. В карточке, которую до приёма заполнила администратор, значилось: Николай С., инженер, обратился с жалобами на бессонницу и повторяющиеся кошмары. Ничего необычного — с такими жалобами Артём принимал по три человека в неделю, и

обычно за этим стояло что-то простое и понятное: развод, потеря работы, тревожное расстройство, требующее полугода терапии и, может быть, лёгких антидепрессантов.

— Расскажите про сон, — сказал Артём, как говорил всегда, откинувшись в кресле и приготовившись слушать вполуха, делая пометки машинально, на автомате.

Николай долго молчал, разглядывая свои руки, лежащие на коленях, а потом заговорил — медленно, будто подбирая слова из чужого языка.

— Это не совсем сон, — сказал он. — Это как будто я там. По-настоящему. Не смотрю со стороны — я это делаю.

— Что делаете?

— Убиваю, — сказал Николай очень спокойно, так спокойно, что Артём на секунду решил, что ослышался. — Каждую ночь. Разных людей. Не помню, чтобы видел кого-то из них раньше, но во сне я знаю их — знаю, где они живут, в какое время выходят из дома, где стоит машина. Как будто следил за ними неделями. А потом просыпаюсь — и ничего не помню, кроме самого момента. Ножа. Или чего там было в этот раз.

Артём отложил ручку. Профессиональная часть его сознания — та, что двадцать лет тренировалась не пугаться слов пациентов, — привычно застучала знакомыми формулировками: интрузивные мысли, тревожное расстройство, возможно, скрытая агрессия, требующая канализации через терапию, а не тревоги за общественную безопасность. Такие фантазии не редкость. Куда реже они превращаются в действие, чем кажется человеку, который их переживает.

— Расскажите про последний сон, — сказал он. — В деталях, если можете. Иногда детали сна говорят больше, чем сам сюжет.

Николай кивнул и заговорил — и по мере того, как он говорил, Артём медленно опускал ручку всё ниже к блокноту, пока не начал записывать, сам того не замечая, каждое слово дословно.

Мужчина. Пятьдесят с небольшим. Живёт один, в доме на углу Садовой и Восьмой линии — Николай не знал этого адреса наяву, просто во сне знал его, как знают собственный. Возвращается с работы поздно, паркуется в одном и том же месте, всегда с одной стороны улицы. В подъезде перегорела лампочка — уже вторую неделю, никто не чинит. Он поднимается по лестнице, не по лифту — боится лифтов, застревал однажды.

— И в этом сне, — сказал Николай, — я жду его на площадке между третьим и четвёртым этажом. У меня в руке что-то тяжёлое. Не нож. Что-то вроде молотка, только длиннее.

Артём поднял голову.

— Вы видите себя? Своё лицо, руки?

— Только руки, — сказал Николай. — Перчатки. Чёрные. И почему-то — я даже не знаю, зачем это помню, — на левой руке перчатка сидит криво. Как будто под ней не хватает пальцев.

В кабинете стало очень тихо. Артём аккуратно, стараясь, чтобы голос не выдал того холода, что вдруг прошёл у него по спине без всякой видимой причины, спросил:

— Когда, по-вашему, произойдёт этот сон?

— Не знаю, — сказал Николай. — Раньше сны не имели дат. Этот — какой-то другой. Мне кажется... мне кажется, скоро.

Сеанс закончился в восемь. Николай оплатил приём на-

личными — администратор потом не найдёт ни чека, ни записи об оплате в кассе, — и ушёл, а Артём ещё долго сидел за столом, глядя на исписанные страницы блокнота и угваривая себя, что случайное совпадение адреса с реальной улицей города — не более чем игра подсознания пациента, живущего в этом же районе.

Три дня спустя, разворачивая утреннюю газету за чашкой кофе, он прочитал заметку на седьмой странице: мужчина пятидесяти двух лет найден мёртвым на лестничной клетке собственного дома, на углу Садовой и Восьмой линии. Убит ударом тяжёлым тупым предметом. Лампочка в подъезде, как отметил дежурный участковый, не менялась несколько недель.

Артём читал заметку три раза подряд, прежде чем понял, что чашка в его руке остыла полностью, а руки — почему-то — слегка дрожат.

Часть 3

Вторая встреча с Николаем состоялась через неделю после первой, вечером, когда администратор уже ушла домой, а в приёмной оставался только охранник, дремавший перед монитором с камерами.

Артём в тот вечер задержался в кабинете допоздна — разбирал старые истории болезни, которые давно собирался сдать в архив, — и меньше всего ждал стука в дверь в половине девятого. На пороге стоял Николай — бледнее, чем неделю назад, с тёмными, будто нарисованными углём кругами под глазами.

— Простите, что без записи, — сказал он. — Я не мог ждать до четверга.

Артём впустил его, хотя по правилам клиники внеплановый приём без согласования с администрацией не полагался, — но что-то в лице Николая говорило, что откладывать нельзя.

— Опять сон? — спросил он, усаживаясь напротив.

— Каждую ночь, — сказал Николай, и голос у него дрогнул впервые за всё время их знакомства. — Но в этот раз по-другому. В этот раз я не просто иду за ним по улице. Я его знаю. То есть во сне — знаю. Как будто он мне кто-то. Родственник, сосед, не разберу, но знакомый, близкий, понимаете?

— Расскажите подробно.

Николай прикрыл глаза, и Артём снова увидел то, что заметил ещё в первый раз: когда Николай пересказывал сны, у него менялась не только интонация, но и сама манера держаться — плечи расправлялись, дыхание становилось ровнее, будто человек, всю жизнь боявшийся собственной тени, вдруг оказывался в своей стихии.

— Женщина, лет шестидесяти. Живёт одна, в квартире на первом этаже, окна выходят во двор. Вечером она всегда сидит на кухне с включённым телевизором — громко, потому что плохо слышит. Дверь на кухню не закрывает. Я захожу через окно — оно у неё всегда приоткрыто, для кота. — Он открыл глаза. — Я знаю, что она мне доверяет. Знаю это так же ясно, как знаю её адрес. И от этого не легче. От этого хуже.

— Вы можете вспомнить, что произошло дальше?

Николай долго молчал.

— Подушка, — сказал он наконец. — Не нож, не молоток. В этот раз подушка. Она даже не успела удивиться.

Артём записывал, стараясь, чтобы рука не дрожала так заметно, как дрожала внутри вся его уверенность в собственной профессиональной невозмутимости. Он давно заметил

у себя привычку — оставлять последний вопрос сеанса на потом, когда пациент уже расслаблен и не готовится защищаться, — и воспользовался ею сейчас.

— Николай, а до того, как начались эти сны, вы кого-нибудь теряли? Мать, бабушку? Кого-то, кто был к вам добр?

Николай посмотрел на него — и на секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание, острое и почти детское.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю, — сказал Артём честно. — Спрашиваю.

— Бабушка, — сказал Николай тихо. — Умерла, когда мне было двенадцать. Я тогда жил у неё всё лето. Она была глухая на одно ухо — телевизор всегда включала на полную. — Он моргнул, будто сам удивился этому воспоминанию. — Я тридцать лет об этом не думал.

Сеанс закончился в начале десятого. Николай ушёл так же тихо, как пришёл, а Артём остался один в кабинете и ещё долго сидел, не решаясь встать, — потому что впервые задал себе вопрос, который до этого гнал от себя изо всех сил: что, если сны Николая не о будущем чужом убийстве, а о

прошлом, собственном, вытесненном настолько глубоко, что вернулось только в форме кошмара?

Он проверил адресную базу района — просто чтобы исключить очевидное совпадение — и не нашёл ни одной одинокой женщины лет шестидесяти, подходящей под описание, ни на одной улице, где Николай когда-либо жил или бывал. Это должно было его успокоить. Не успокоило.

Два дня спустя, в субботу вечером, он листал городской новостной сайт скорее по привычке, чем из тревоги, — и наткнулся на короткую заметку в разделе происшествий. Женщина, шестьдесят один год, найдена мёртвой в собственной квартире на первом этаже. Предварительная причина смерти — механическая асфиксия. Соседи утверждают, что накануне вечером, как обычно, из её окна доносился телевизор — слишком громко, как всегда.

Артём закрыл ноутбук и долго сидел в темноте кухни, не включая свет, — и только тогда заметил, что часы на стене показывают почти полночь, а последнее, что он помнил ясно, — было около десяти вечера, когда он ещё читал заметку в первый раз.

Провал в памяти длиной в два часа он спишет наутро на усталость. Так же, как спишет на совпадение то, что на сле-

дующий день, разбирая карман пальто, найдёт в нём чек с автозаправки на другом конце города — с датой и временем, которые придутся ровно на середину того самого провала.

Часть 4

В понедельник Артём попросил администратора поднять карточку пациента Николая С. — формально, под предлогом уточнения контактных данных для напоминания о следующем визите.

Администратор, молодая девушка по имени Лена, минут пять щёлкала мышкой, хмуясь всё сильнее.

— Артём Дмитриевич, а как его фамилия? — спросила она наконец. — У меня в базе нет ни одного Николая, записанного к вам за последние полгода. Может, он записывался к кому-то из коллег?

— Он приходил ко мне лично, дважды, — сказал Артём. — Второй раз — в четверг вечером, без записи.

— В четверг вечером клиника не работала, — сказала Лена растерянно. — У нас профилактика была, всех отпустили в шесть. Я сама уходила.

Артём не стал спорить. Вместо этого он спросил про охрану — есть ли записи с камер на входе, — и через час сидел в тесной каморке рядом с постом охраны, глядя на монитор, где охранник, мужчина в возрасте, перематывал запись четверга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.